

МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ НА ХОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

А.И. Линецкий

ЛИНЕЦКИЙ Александр Иосифович, политолог, кандидат физико-математических наук, предприниматель. Для связи с автором: linetskyalexander@hotmail.com

Статья поступила в редакцию: 15.10.2015. Принята к печати: 16.01.2016

Аннотация. Политические институты, сложившиеся в стране, могут сами по себе, вне зависимости от сознательных усилий ее высших руководителей, решающим образом воздействовать на ход ее экономического развития. Такое воздействие осуществляется через обезличенный механизм принудительного (хищнического) изъятия ресурсов и благ у одних жителей страны в пользу других ее жителей. Работа этого механизма характеризуется двумя основными показателями: общим объемом хищнически изъятых ресурсов и благ и тем, по каким именно направлениям они перераспределяются. Каждому типу политической системы присущ свой особый стиль управления подобного рода изъятиями и их последующего использования. В странах с иерархическими политическими системами государство и стоящий за ним политический класс принудительно изымают ресурсы и блага у населения страны в столь значительных объемах и используют плоды этих изъятий таким образом, что полноценные рыночные институты здесь в принципе не могут сложиться. Наиболее полное развитие получают институты, типичные для административно-командных методов управления экономикой. В результате экономика страны приобретает черты централизованного планового хозяйства. В странах с правовыми политическими системами та часть ресурсов и благ, которая изымается принудительно, в последующем используется государством, главным образом, для создания полноценных рыночных экономических институтов и упрочения господствующего положения цивилизованного рыночного хозяйства в экономике страны. При этом особую роль в управлении принудительными изъятиями и их последующем использовании играет институт представительной демократии, основанный на всеобщем избирательном праве, который скорее угнетает становление полноценных рыночных институтов, чем способствует ему.

Ключевые слова: политические и экономические институты; иерархические политические системы; правовые политические системы; демократические институты; внерыночное перераспределение ресурсов и благ; политическая рента; экономический рост; устойчивое экономическое развитие.

В каком направлении действуют объективные причинно-следственные связи между политикой и экономикой? В последние годы этот, как многие прежде были уверены, раз и навсегда решенный вопрос снова стал злободневным. Старый марксистский догмат о первичности экономики и вторичности политики поставлен под сомнение. Накапливаются свидетельства в пользу того, что направление действия причинных связей здесь прямо противоположное. В частности, недавно было сформулировано предположение, что безличные особенности политического устройства страны могут самым решительным образом влиять на ход и результаты ее экономического развития [Заостровцев 2014: 34].

В то же время, эффективность экономики безусловно зависит от уровня профессиональной подготовки и личных качеств государственных руководителей. Какой же из этих двух факторов имеет большее значение для форми-

рования экономического уклада: действие безличных особенностей политического устройства, не зависящих от воли и сознания отдельных людей, или же сознательные усилия высших руководителей? Ответ на этот вопрос имеет мало общего с расхожими представлениями о роли “человеческого фактора”. Как убедительно показали Д. Асемоглу и Д.А. Робинсон, решающая роль в формировании отдельных экономических институтов и всего экономического уклада в целом принадлежит вовсе не правительству страны, а стихийно сложившимся в ней политическим институтам [Acemoglu, Robinson 2012: 48].

Сегодня в общих чертах стали понятно и то, к каким результатам приводит воздействие безличных политических институтов на ход экономического развития. Одни политические институты подавляют рыночные экономические институты и способствуют развитию директивных методов хозяйствования. Другие политические институты воздействуют на экономические процессы прямо противоположным образом: они поддерживают становление полноценных рыночных экономических институтов и препятствуют формированию институтов директивных. Однако как именно это происходит, до сих пор оставалось не вполне ясным.

В изучении механизма, посредством которого политические институты воздействуют на формирование институтов экономических, сделаны пока только первые шаги. У истоков этого направления исследований стояла Ольга Бессонова. Уже в конце прошлого века она отмечала, что в осуществлении причинных связей между политическими и экономическими институтами важную роль играет внерыночное перераспределение ресурсов и благ (в терминах автора – “раздаток”) [Бессонова 1994: 38–40]. Несколько позже сходные идеи были высказаны Мансуром Олсоном в его книге “Власть и процветание” [Олсон 2012: 53–55]. Особый взгляд на природу причинных связей между политикой и экономикой выработан рядом авторов, изучавших такое экономическое явление, как поиск политической ренты [Заостровцев 2000: 48–49].

Мы исследуем воздействие политических институтов на ход экономического развития с помощью нового аналитического инструмента. Речь идет о так наз. “хищнической ренте”, под которой в первом приближении следует понимать результаты любых принудительных изъятий ресурсов и благ у одних жителей страны в пользу других ее жителей. По своей сути понятие о хищнической ренте является естественным обобщением хорошо известного в экономической теории представления о политической ренте. В дальнейшем мы дополним и разовьем это ключевое для нас понятие. Результаты наших исследований легли в основу этой статьи. Выяснилось, что каждому типу политической системы присущ свой особый стиль управления подобного рода изъятиями и последующего использования их результатов. Стиль управления хищнической рентой вполне определенным образом сказывается на составе экономических институтов, складывающихся в стране, на свойствах этих институтов и, в конечном итоге, на всем ее экономическом укладе. Ниже мы обсудим результаты наших исследований более подробно.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Исследуя экономические институты, мы исходили из того, что они не являются продуктом работы человеческого разума. Правила поведения, упорядочивающие хозяйственные взаимодействия людей, никто сознательно не изобретает и не придумывает. Они складываются стихийно в ходе эволюции

человеческого поведения [Линецкий 2014] и эволюции культуры [Хайек 1992: 53-68; Норт 1997: 56-66]. За последние две-три тысячи лет совместное действие этих двух стихийных эволюционных процессов привело к возникновению целого ряда неформальных традиций и обычаев делового оборота.

Неформальные экономические институты заведомо неоднородны по своему составу. В них естественным образом выделяются институты рыночные и институты директивные. Такое подразделение экономических институтов именно на две большие категории не является произвольным. Оно отражает двоякий характер взаимодействия людей в ходе осуществления ими хозяйственной деятельности. Рыночные институты качественно отличаются от директивных тем, что первые упорядочивают добровольные хозяйственные взаимодействия [Смит 1962: 27-33, 330-332], а последние — хозяйственные взаимодействия, основанные на принуждении и иных формах конфликтного поведения [Бессонова 1994: 38-41].

Состав и свойства рыночных экономических институтов постоянно обсуждаются в литературе и, в общем и целом, хорошо известны. Ниже приведена их краткая сводка, составленная нами. Она не претендует ни на исчерпывающую полноту, ни на оригинальность. У этой сводки куда более скромное предназначение: освежить в памяти читателей хорошо известные им особенности рыночных институтов.

— *Частная жизнь законопослушного человека и, прежде всего, его права собственности являются неприкосновенными.*

— *Человек свободен в выборе своих деловых занятий и партнеров и волен принимать любые хозяйственные решения в отношении принадлежащих ему ресурсов и благ по своему усмотрению.*

— *Все экономические агенты имеют свободный доступ к любым природным и производственным ресурсам на основе честного делового соперничества — конкуренции и при условии бережного отношения к окружающей среде.*

— *Личная инициатива экономических агентов и добросовестная конкуренция составляют основу хозяйственной деятельности.*

— *Свобода предпринимательства и конкуренция должны охраняться и поддерживаться государством.*

— *Хозяйственные договоры должны исполняться сторонами.*

— *Деньги должны иметь постоянную стоимость: никто не вправе “портить монету”.*

Из сформулированного выше ясно, что рыночные экономические институты призваны упорядочить взаимодействия формально *равноправных* экономических агентов, которые участвуют в этих взаимодействиях добровольно и в интересах взаимной выгоды. Роль, которую рыночные институты играют в экономической жизни современных стран, невозможно переоценить. Когда все участники рынка соблюдают установленные этими институтами правила экономического поведения, в дело вступают так наз. рыночные регуляторы. Важнейшим из них является система конкурентных рыночных цен. Рыночные регуляторы подают участникам рынка отчетливые сигналы о потребностях в товарах и услугах и создают действительные материальные стимулы, побуждающие участников рынка учитывать эти сигналы в своей работе. Тем самым рыночные регуляторы осуществляют безличное управление экономическими процессами и, как показано в экономической теории, при определенных условиях делают это наилучшим образом.

Обратившись к рассмотрению директивных экономических институтов, мы увидим совсем иную картину. Эти институты складывались для того, чтобы упорядочить хозяйственные взаимодействия между людьми, находящимися в заведомо *неравных* положениях. Одни участники взаимодействий наделены правом отдавать команды, а другие обязаны эти команды безусловно исполнять. Мы условимся называть первых *политическим классом*, а вторых — *рядовыми жителями страны*.

По аналогии с приведенной выше сводкой основных характерных черт рыночных экономических институтов мы составили краткую сводку основных признаков директивных экономических институтов, которую приводим ниже.

— *Политический класс вправе осуществлять некомпенсируемые принудительные изъятия производственных ресурсов и потребительских благ у рядовых жителей страны. В частности, он может и должен принуждать их к труду в порядке и на условиях, выработанных самим политическим классом.*

— *Политический класс вправе монополизировать любой вид хозяйственной деятельности и ограничить доступ рядовых жителей страны к любым производственным ресурсам, а также распоряжаться окружающей средой по своему усмотрению.*

— *Главным организующим принципом хозяйственной деятельности всех уровней является безоговорочное выполнение предписаний вышестоящего начальника. Все предписания сводятся в единый хозяйственный план, одобренный высшим руководством страны.*

— *Деловые предприятия, инициированные представителями политического класса в соответствии с единым планом, имеют безусловный приоритет по отношению к любым деловым предприятиям, начатым рядовыми жителями страны по личной инициативе.*

— *Стоимость денег не имеет существенного значения; политический класс вправе произвольным образом “портить” монету.*

Сводка, оговоримся снова, не является ни точным, ни полным описанием всех особенностей административно-командных систем управления экономикой. Такого рода описания можно легко найти в экономических трудах, посвященных изучению экономики *реального социализма*. Задача этой сводки — подчеркнуть различия между рыночными и директивными экономическими институтами. Если попытаться образно охарактеризовать сущность директивных экономических институтов с самой общей точки зрения, то можно сказать, что они призваны упорядочить взаимодействия полновластного хозяина и бесправного слуги, где в первой роли выступает политический класс страны, а во второй — все остальные ее жители.

Директивные экономические институты в отличие от рыночных не порождают никаких безличных регуляторных механизмов и не создают объективных стимулов, которые побуждали бы экономические субъекты действовать наилучшим с точки зрения общественной пользы способом. Скорее напротив, они усиливают роль личных связей между хозяйственными руководителями и развивают в них хозяйственный эгоизм и местничество. В то же время, благодаря этим институтам политическое руководство страны обретает небывалые мобилизационные ресурсы. Страна оказывается способной с честью выходить из сложных критических ситуаций (отражать вооруженные вторжения извне, быстро ликвидировать последствия стихийных бедствий и т.д.).

Между рыночными и директивными институтами существует еще одно важное различие, которое имеет большое значение для дальнейшего изложения. Рыночные институты упорядочивают добровольные хозяйственные взаимодействия свободных людей. Поэтому в них самих *нет ничего политического*. Что же касается институтов директивных, то они самим своим возникновением обязаны довольно длительно сохраняющемуся в данной стране и резко выраженному политическому или экономическому неравенству. Такое неравенство может существовать только лишь при условии, что и политическая власть в этой стране, и управление ее национальным хозяйством опираются преимущественно на принуждение. Следовательно, директивные экономические институты по самому факту своего происхождения нуждаются в инструментах оперативного политического регулирования, сильно политизированы и неразрывно связаны с использованием насилия.

В национальном хозяйстве любой современной страны представлены одновременно и сектор, в котором хозяйственные обороты управляются, главным образом, стихийными рыночными регуляторами, и сектор, в котором преобладают директивные методы хозяйствования. Управление современной экономикой — это не выбор между рыночными и директивными методами хозяйствования, а поиск наилучшего сочетания этих методов. Из экономической теории хорошо известно, что рынок, даже самый цивилизованный, заведомо не может справиться с решением некоторых жизненно важных для общества задач (так наз. провалы рынка). Поэтому даже в странах с преобладанием рыночных отношений сохраняются отдельные зоны хозяйствования, в которых директивные методы управления используются просто потому, что их нечем заменить. Ход экономического развития страны и его результаты во многом определяются тем, какую долю в экономике страны занимают рыночный и директивный секторы, а также тем, насколько полное развитие получили в каждом из них соответствующие экономические институты.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

В любой цивилизованной стране за каждым узаконенным обычаем делового оборота стоит государство. Экономические институты — как рыночные, так и директивные — получают свое полное и окончательное развитие только тогда, когда они подкреплены соответствующими формальными законами, и когда государство принуждает экономических агентов к безусловному выполнению этих законов, налагая санкции на их нарушителей. Кроме того, государство выполняет просветительскую и воспитательную миссию. Оно настойчиво пропагандирует и продвигает в жизнь обычаи и традиции делового оборота, выгодные для стоящих за государством политических кругов, и также систематически подавляет обычаи и традиции, невыгодные для них.

Особо подчеркнем, что, поддерживая тот или иной обычай делового оборота, государство неизбежно рано или поздно прибегает к насилию и принуждению. Однако оно использует насилие по-разному для каждого вида экономических институтов.

Поддерживая рыночные экономические институты, государство прибегает к насилию и принуждению исключительно в обеспечительных целях. Оно защищает права и свободы участников добровольных обменов, а также гарантирует исполнение ими добровольно взятых на себя обязательств. Государственное насилие

здесь только формирует рамочные условия, в которых протекает экономическая жизнь, но никаким образом не используется для управления хозяйственными операциями. Не прибегают к насилию здесь и отдельные экономические агенты. Они организуют все хозяйственные обороты в порядке личной инициативы и добровольно вступают в сделки, исходя из соображений коммерческой выгоды.

Поддерживая директивные рыночные институты, государство не только подкрепляет принуждением соответствующие обычаи делового оборота, но и соглашается с использованием отдельными экономическими агентами насилия в качестве главного инструмента для организации хозяйственных оборотов и управления ими. В директивном секторе хозяйствования главным действующим лицом становится не инициативный экономический агент, а представитель господствующего класса, наделенный силой и политической властью.

Поэтому вопрос о том, какие именно экономические институты – рыночные или директивные – будет поддерживать и развивать государство, сводится к вопросу о том, какое место в жизни страны отводится насилию и принуждению. Иными словами, вопрос заключается в том, как политический класс страны рассматривает насилие: как неизбежное зло, которое можно использовать только в очень ограниченной мере для решения узкого и строго очерченного круга задач, или как главный инструмент для организации общественной жизни в целом и хозяйственной деятельности в частности?

Известно, что роль и место насилия в общественной жизни страны определяется сложившимися в ней политическими институтами. В зависимости от качества политических институтов, сложившихся в стране, государство будет нацелено на поддержку либо рыночных, либо директивных методов хозяйствования. И далеко не все политические и экономические институты совместимы между собой.

В частности, в литературе неоднократно отмечалось, что политические институты, типичные для иерархических политических систем, несовместимы с рыночными экономическими институтами [Космынин, Явлинский 2011; Линецкий 2014]. Точно так же политические институты, характерные для правовых политических систем, несовместимы с институтами директивными. В дальнейшем, однако, нас будет интересовать не столько несовместимость институтов сама по себе, сколько причины, ее вызывающие. Мы разделяем позицию ряда авторов, которые полагают, что она возникает чаще всего как один из побочных результатов насильственного перераспределения ресурсов и благ [Бессонова 1994; Олсон 2012]. В странах с различными политическими системами такое перераспределение осуществляется по-разному. Чтобы исследовать его особенности в каждом отдельном случае, нам понадобится новый аналитический инструмент – понятие о хищнической ренте.

ХИЩНИЧЕСКАЯ РЕНТА

В экономической теории подробно изучен один частный случай хищничества, который обычно называют поиском политической ренты [Заостровцев 2000: 48-49]. Под такой рентой экономисты понимают тот дополнительный доход, который может быть получен участником рынка сверх его доходов от обычной рыночной деятельности за счет использования политической власти. Понятие о политической ренте плодотворно использовалось для изучения лоббизма и роли узких групп интересов в деятельности современных государств с преимущественно рыночной экономикой.

Мы предлагаем обобщить понятие о политической ренте с таким расчетом, чтобы новое, более общее понятие смогло охватить все случаи хищничества во всем их разнообразии. Итак, под хищнической рентой мы будем понимать плоды любых принудительных изъятий потребительских благ или природных и производственных ресурсов, которые осуществляются отдельным человеком или группой лиц за счет применения насилия, принуждения или обмана одних людей в пользу других, в том числе, и в свою собственную пользу. Когда мы будем говорить об управлении хищнической рентой, то мы всегда будем иметь в виду две стороны дела: организацию принудительных изъятий и порядок использования результатов этих изъятий.

Хищническая рента может извлекаться двояким образом: в рамках закона и вне этих рамок. В правовом поле она извлекается государством путем проведения фискальных мероприятий, т.е. посредством взимания налогов, пошлин, сборов и иных обязательных платежей. Кроме того, в любом государстве существует та или иная система преференций и льгот, которая позволяет отдельным экономическим агентам законным образом извлекать хищническую ренту. Государство имеет возможность беспрепятственно проводить фискальные мероприятия и устанавливать преференции и льготы в силу своего особого положения, связанного с монополией на применение насилия. Однако эта монополия никогда не бывает абсолютной.

В обществе любой страны всегда присутствуют криминальные элементы. Действуя в своих сугубо личных интересах, они, тем не менее, используют насилие, принуждение или обман для установления своей власти над другими людьми. Это криминальная, параллельная государственной, власть тоже извлекает хищническую ренту с помощью рэкета, вымогательства, взяток, рейдерских захватов предприятий, всевозможных коррупционных схем присвоения государственных и частных ресурсов, построения мошеннических финансовых пирамид и иных преступных методов. Как мы увидим ниже, фискальная часть такой ренты при надлежащем ее использовании может быть двигателем экономического развития, в то время как криминальная ее часть в известном смысле слова есть абсолютное зло: она всегда препятствует ему.

Только что введенное нами понятие хищнической ренты, используемое как удобный аналитический инструмент, поможет нам разобраться в причинах, действие которых приводит к несовместимости политических и экономических институтов. Проследив за порядком извлечения и использования хищнической ренты в политических системах разных типов, мы увидим, каким именно образом в них подавляется формирование одних экономических институтов и стимулируется развитие других. Но прежде сделаем одно общее замечание, которое касается относительных размеров рыночного и директивного секторов экономики.

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ РАЗМЕРЫ РЫНОЧНОГО И ДИРЕКТИВНОГО СЕКТОРОВ

Мы утверждаем, что относительный совокупный объем извлекаемой хищнической ренты в значительной мере определяет соотношение рыночного и директивного секторов в экономике страны. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим дальнейшую судьбу тех ресурсов и благ, которые были изъяты у их владельцев. Как именно будут приниматься решения об использовании извлеченной хищнической ренты? На основании экономического расчета или из соображений политической целесообразности?

Прежде всего отметим, что решения об использовании ренты в целях поддержания господства правящего политического класса, личного обогащения и удовлетворения амбиций отдельных представителей этого класса, а также в целях создания общественных благ практически всегда принимаются из соображений политической целесообразности. Это означает, что использование ренты по этим направлениям будет управляться директивными методами и сокращать на соответствующую величину размер рыночного сектора.

На первый взгляд может показаться, что решения об использовании такой ренты для инвестиций в казенные предприятия должны приниматься государством на основе экономического расчета. Однако более внимательное изучение вопроса приводит к совершенно иным выводам. Государство мало заботит экономическая обоснованность инвестиционных программ, поскольку оно с самого начала нацелено на силовое подавление негосударственных экономических агентов, которые могут составить конкуренцию новому казенному предприятию. Использование “административного ресурса” для подавления конкурентов приводит к сокращению рыночных оборотов. При этом соответственно возрастает доля директивного сектора.

Таким образом, по какому бы из возможных направлений ни был использован некий объем хищнической ренты, это в любом случае приводит к соответствующему сокращению оборотов рыночного сектора.

Что же касается тех производственных ресурсов и произведенных из них благ, которые не были изъяты у рядовых жителей страны ни фискальным, ни криминальным образом, то они, казалось бы, должны уж точно быть вовлечены в рыночные обороты. Но и это не совсем так. Известная часть ресурсов и благ перераспределяется в ходе дарения и благотворительности. Кроме того, на размах рыночных оборотов влияет не только объем извлекаемой ренты, но и характер этих изъятий.

Если рента извлекается упорядоченно, по строго установленным правилам, которые действуют на протяжении сколь-нибудь долгого времени, то участники рынка могут учесть все эти регулярные изъятия в своих деловых планах и в какой-то мере приспособиться к ним. В этом случае, даже при большом объеме извлекаемой ренты, значительная часть ресурсов и благ, оставшихся в распоряжении негосударственных экономических агентов, будет действительно вовлечена в рыночные обороты. Если же рента извлекается произвольным образом по усмотрению властей, то деловая инициатива желающих участвовать в рынке будет скована опасениями потерять все нажитое в ходе этих внезапных произвольных изъятий. Те рядовые жители страны, кому каким-то образом удалось оставить в своем распоряжении хотя бы некоторые ресурсы и блага, предпочтут уклониться от участия в рынке. Они будут скорее сберегать и утаивать ресурсы и блага, чем вкладывать их в дело.

Таким образом, объем извлеченной ренты определяет долю рыночного сектора в экономике страны по остаточному принципу: чем больше в стране извлекается хищнической ренты, тем меньшую долю в экономике страны могут составлять хозяйственные обороты, управляемые рыночными регуляторами. В предельном случае государство силой ограничивает доступ участников рынка практически ко всем производственным ресурсам, кроме самых второстепенных и незначительных. В этом случае рыночный сектор экономики либо полностью прекращает свою работу, либо работает на обочине общественной жизни в жалком и угнетенном виде. Не так много места остается в таком случае и для “теневого” сектора экономики.

В национальном хозяйстве такой страны полностью преобладают директивные методы. Ярким примером и классическим образцом такого экономического уклада является социалистическая плановая экономика: в середине XX в. таким был хозяйственный комплекс Советского Союза; сегодня мы имеем возможность наблюдать работу социалистических методов хозяйствования на Кубе и в КНДР.

Другой крайний случай – абсолютное господство рыночных отношений в сочетании с предельно малым объемом извлекаемой ренты – является практически нереализуемым. Централизованное государство просто не может существовать без извлечения некоторого минимального объема хищнической ренты. Разрушение государства приводит к анархии и, в конечном итоге, к хозяйственной разрухе. В начале 1990-х годов Россия вплотную приблизилась к этому опасному рубежу и затем, ценою огромных усилий, начала отходить от него, восстанавливая разрушенную властную вертикаль. Нечто подобное происходит сегодня и на Украине.

Существует некоторое минимальное пороговое значение объема хищнической ренты, при котором государство еще сохраняет свою способность защищать граждан страны от внутренних и внешних врагов, поддерживать гражданский мир и монополию на использование насилия, укреплять существующие экономические институты и строить новые. Однако меньшего объема ренты уже будет недостаточно для этого. Чтобы иметь возможность проводить какую бы то ни было экономическую политику, нужно извлекать хищническую ренту в объеме, превышающем это пороговое значение. Чтобы обеспечить преобладание в национальном хозяйстве страны рыночного сектора, нужно извлекать такую ренту в объеме, минимально превышающем это пороговое значение, в идеале – равном ему.

160

Обычно государство извлекает хищническую ренту в объеме, который хотя и значительно превышает минимальное пороговое значение, но все-таки является ограниченным. Тем самым политический класс соглашается – иногда гласно и открыто, иногда по умолчанию – с существованием в экономике страны рыночного сектора. Но будет ли этот рыночный сектор работать достаточно эффективно? Справятся ли стихийные рыночные регуляторы с управлением хозяйственными оборотами? Рынок будет успешно работать только в том случае, если он станет цивилизованным, т.е. если в обществе сформируются полноценные рыночные *экономические институты*.

Ниже мы покажем, что это зависит прежде всего от того порядка, в рамках которого извлекается и используется хищническая рента. В свою очередь, порядок управления этой рентой полностью определяется составом и качеством сложившихся в стране *политических институтов*.

УПРАВЛЕНИЕ ХИЩНИЧЕСКОЙ РЕНТОЙ В ИЕРАРХИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Рассмотрим порядок извлечения и использования хищнической ренты в странах с иерархическими политическими системами и оценим его последствия для формирования экономических институтов. В современной литературе этот тип политических систем упоминается также как социальный порядок с ограниченным доступом [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 85-96], как общество с экстрактивными политическими институтами [Acemoglu, Robinson 2012: 80-82], как традиционалистское общество [Черняховский 2012: 9] или же как сообщество с доминирующей институциональной X-матрицей [Кирдина 2004: 90-91].

Все страны с иерархическими политическими системами отличает одна характерная черта. В обществах таких стран всегда можно обнаружить особый политический агрегат – правящую коалицию. Обычно это узкая группа лиц, которой удалось насильственным образом захватить всю полноту политической власти в стране. В господстве правящей коалиции нет ничего случайного. Эта особая переходная форма политического устройства типична для тех обществ, которые, с одной стороны, уже устали от анархии и бесконечной войны “всех против всех”, но, с другой стороны, еще не успели выработать универсальные правовые методы регулирования общественной жизни. Суды и органы правопорядка нацеливают здесь свою работу на безусловное исполнение политических решений, принятых правящей коалицией. Д. Норт и его соавторы называют государство, работающее в интересах правящей коалиции и под ее полным контролем, *естественным* [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 40, 63–65]. “Естественное государство решает проблему насилия, создавая господствующую коалицию, которая ограничивает доступ к ценным ресурсам – природным, трудовым и капитальным – или доступ и контроль над ценными видами деятельности, такими как торговля, религия или образования, предоставляя его элитам” [там же: 82]. Что же касается подданных *естественного государства*, то они не имеют полноценных прав и свобод. Они живут и работают, “уповая на милость” членов правящей коалиции. По произволу правящей коалиции подданный *естественного государства* может быть в любой момент лишен состояния, свободы или жизни.

Члены правящей коалиции обычно хорошо сплочены, поскольку перед ними стоит одна общая цель. Они стремятся насильственно ограничить доступ рядовых жителей страны к жизненно важным для них ресурсам с целью обратить их в источник ренты для элит. Нам нет нужды подробно описывать те, зачастую варварские и бесчеловечные методы, которые использует для этого *правящая коалиция* в условиях *естественного государства*. Сегодня эта тема уже подробно разработана в литературе. В частности, Асемоглу и Робинсон приводят множество ярких и запоминающихся примеров ограничения доступа, которые были в свое время осуществлены правящими коалициями разных стран мира [Acemoglu, Robinson 2012: 368–398].

Управление рентой, извлекаемой в результате подобных ограничений доступа, осуществляют как лично члены правящей коалиции, так и особые доверенные лица. Последних правящая коалиция нанимает на службу и передает им монопольное право на различные виды деятельности. Члены правящей коалиции и нанятые ими доверенные лица, взятые вместе, образуют особое привилегированное сословие, элиту. Образ и условия жизни отдельных представителей элиты резко отличаются от образа и условий жизни рядовых жителей страны: первые живут богатой и полнокровной жизнью, в то время как вторые влачат нищенское существование.

В основании иерархической системы лежит особый неформальный политический институт. Существо его – в готовности представителей правящего класса применять насилие и принуждение для защиты социального порядка, обеспечивающего их господство над другими людьми, но неготовности защищать собственные частные права, если они вступают в конфликт с интересами правящей коалиции в целом. Образно выражаясь, этот политический институт можно описать формулой: “Слабого – покори, сильному – покорись!” Как

функционирование такого политического института влияет на формирование экономических институтов?

Начнем с того, что правящая коалиция не несет никакой ответственности за свои действия ни перед рядовыми жителями страны, ни перед нанятыми ею доверенными лицами. Поэтому она может принимать любые решения и по поводу объема извлекаемой ренты, и по поводу ее распределения по основным направлениям использования. Ничто не препятствует правящей коалиции произвольно повышать объем извлекаемой ренты.

В частности, никто не может помешать ей увеличивать долю фискальной части ренты, расходуемую на обогащение и удовлетворение личных амбиций отдельных членов правящей коалиции и нанятых ею доверенных лиц. Причем речь здесь идет не столько о коррупции, сколько о вполне легальных каналах личного обогащения отдельных представителей привилегированного сословия за счет всех остальных жителей страны: высоких должностных окладах, различных социальных пакетах, административном туризме, “золотых парашютах” и тому подобном. Известно также, что политические лидеры разных стран проявляют поразительную фантазию и неслыханную изобретательность по части проведения помпезных и дорогостоящих мероприятий – внешнеполитических встреч, спортивных состязаний, военных парадов и общегосударственных праздников – служащих, в том числе, и удовлетворению их политических амбиций. Что же касается криминальной части ренты, то она практически полностью уходит на личное обогащение и удовлетворение амбиций лидеров преступных сообществ.

В этой статье мы не будем касаться моральных аспектов такого рода практик. Нас будет интересовать только вопрос о том, как паразитическое использование ренты сказывается на способности страны к созданию экономических институтов с известными свойствами. Мы утверждаем, что эти практики в высшей степени губительны для рыночных институтов. По крайней мере, по трем основаниям.

Во-первых, ресурсы, отчуждаемые в форме ренты, теоретически могли бы быть использованы в процессах формирования рыночных институтов, но бесцельно расходуются на цели личного обогащения и удовлетворения амбиций власть имущих. Во-вторых, сами по себе паразитические хищнические изъятия ресурсов и благ у жителей страны подрывают основной рыночный институт: неприкосновенность частной собственности. В-третьих, паразитическое использование ренты – это чрезвычайно действенный антирыночный стимул. Многие общественно активные жители страны приходят к выводу, что наилучшая жизненная стратегия – это не производство благ с целью последующего обмена, а участие тем или иным способом в хищническом перераспределении ресурсов и благ. Жители страны теряют вкус к проявлению деловой инициативы и приобретают неистребимую склонность к хищничеству. Так формируется один из главных директивных экономических институтов.

Как уже было сказано выше, правящая коалиция “по определению” монопольно контролирует долю ренты, расходуемую на укрепление своего политического господства. В наши дни такие расходы часто осуществляются под видом создания общественных благ, хотя по сути своей зачастую являются банальными раздачами. Политический класс соглашается пожертвовать сравнительно малой долей предварительно изъятых у жителей страны ресурсов и благ и, раздавая ее беднейшим слоям населения, покупает их политическую

поддержку и укрепляет тем самым свое политическое господство. Подобные раздачи совершаются также и в отношении отдельных обанкротившихся, но политически значимых предприятий под предлогом их “спасения от разбушевавшейся рыночной стихии”.

Еще один современный способ сохранения политического господства — это контроль над информационным пространством. По большому счету, в создании государственных средств массовой информации (СМИ) нет никакой нужды. Исторический опыт свидетельствует о том, что с задачей снабжения жителей страны оперативной и правдивой информацией о событиях в стране и в мире успешно могут справиться сами участники рынка. Создание же государственных СМИ продиктовано исключительно заботой руководителей государства и стоящих за ними политических кругов об укреплении своего господствующего положения. Современные СМИ, в особенности электронные, имеют огромное влияние на политические убеждения жителей страны. Множество пропагандистских радио- и телепередач настойчиво убеждают жителей страны в том, что нынешний персональный состав власти — лучшее из того, что они могли бы иметь. Это в высшей степени действенный инструмент для сохранения политического господства.

Особо отметим высокую инвестиционную активность правящей коалиции. Государство настойчиво отнимает возможность у негосударственных экономических агентов снабжать друг друга ресурсами и благами по их собственному усмотрению. Оно систематически стремится заместить негосударственные предприятия казенными. Использование ренты для государственных инвестиций в новые производственные мощности часто приветствуется. Благодаря государственным инвестициям или инвестициям, сделанным лично отдельными представителями правящего класса, объем хозяйственных оборотов в экономике страны неуклонно и быстро растет. Развитие инфраструктуры — строительство дорог, вокзалов, портов, аэровокзалов, освещение городских улиц и т.п. — несомненно полезно для устойчивого развития. Невозможно также переоценить роль государственных вложений в развитие фундаментальной науки и в создание опережающих технических и технологических заделов.

Однако прямые государственные вложения в новые мощности для производства благ, которые с успехом могли бы производить сами участники рынка, подавляют формирование рыночных экономических институтов. В результате подобных инвестиций растет не только общий объем хозяйственных оборотов, но и доля директивного сектора в экономике страны. Всемирное развитие получают не рыночные, а именно директивные экономические институты. В массовом порядке возникают различного рода правительственные комиссии и комитеты по управлению отдельными отраслями хозяйствования, плодятся многочисленные правительственные и региональные целевые программы экономического развития. Централизованное планирование и директивное регулирование постепенно пропитывает все поры хозяйственного механизма.

На строительство собственно рыночных институтов у государства, занятого “промышленной политикой”, не хватает ни времени, ни средств, ни политической воли. Используя метафору, предложенную Олсоном, можно сказать, что массивированные государственные или квазигосударственные инвестиции в создание новых мощностей по производству благ неизбежно приводят к тому, что экономика страны “склеротизируется” [Олсон 2012: 113-119]. Именно такие

склеротические явления в экономике и послужили главной причиной экономического краха Советского Союза и, в конечном итоге, его распада.

Несмотря на это правящая коалиция упорно стремится к тому, чтобы сделать долю государственного сектора в экономике страны как можно большей. На то есть веские причины. Известно, что централизация управления экономикой, и в частности, контроль над производством и ценами, делает власть правящей коалиции безграничной [Хайек 2012: 147]. Формируется лишенный обратных связей механизм разбалансировки экономики: политическое господство правящей коалиции открывает возможности для массивных государственных инвестиций и подавления независимых от государства экономических агентов, а усиливающаяся при этом централизация управления экономикой укрепляет ее политическое господство [Acemoglu, Robinson 2012: 398-400]. Разорвать этот порочный круг очень непросто.

Олсон был лучшего мнения о способности правящей коалиции управлять рентой. В частности, он утверждал, что автократ с долгим, в идеале — с бесконечным горизонтом планирования сам придет к выводу о необходимости сократить объем ренты, извлекаемой в текущем периоде, с тем чтобы увеличить суммарный объем ренты, который он мог бы извлечь за весь срок своего правления [Олсон 2012: 35]. Кроме того, Олсон был убежден в том, что рационально мыслящий автократ, исходя из соображений собственной выгоды, непременно направит часть извлеченной ренты на создание общественных благ ровно так же, как если бы он был заинтересован в росте благосостояния всех жителей страны [там же: 38]. Это объясняется тем, что в результате создания новых общественных благ производственный потенциал страны возрастет, и у автократа появится возможность изымать дополнительные объемы ренты. Олсон даже писал о “левой невидимой руке”, которая побуждает рационально мыслящих автократов с долгим горизонтом планирования работать на общее благо, подобно тому как “правая невидимая рука”, на которую в свое время указывал А. Смит, заставляет эгоистически настроенных участников рынка действовать к общей пользе [Смит 1962: 332; Олсон 2012: 40].

Мы скептически относимся к этим рассуждениям Олсона. Прежде всего, представление о существовании автократов с бесконечным или, по крайней мере, с достаточно долгим горизонтом планирования плохо согласуется с жизненными реалиями. Психология верховного правителя, равно как и психология других членов правящей коалиции, — это, чаще всего, психология временщиков. В подавляющем большинстве случаев они живут и действуют по принципу: “после нас — хоть потоп”.

Нам известно только одно исключение из этого общего правила — современный Китай (КНР). Вся полнота политической власти в этой великой азиатской стране принадлежит Коммунистической партии Китая (КПК). Этой правящей коалиции удалось выстроить процедуру строго периодической смены верховных правителей, которая обеспечивает довольно плавную и сравнительно безболезненную передачу власти. Как следствие, КПК имеет возможность управлять национальным хозяйством Китая в условиях достаточно длительного горизонта планирования.

Трудно также согласиться и с утверждением Олсона о том, что “рационально мыслящий автократ” непременно станет созидателем общественных благ. Д. Норт и соавторы справедливо отмечают, что в странах с иерархической

политической системой объем извлекаемой ренты определяется не единоличными решениями верховного правителя, а коллективными действиями всего привилегированного сословия [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 62-63]. А как показал несколько ранее сам Олсон, коллективные действия больших по численности групп людей с узкоэгоистическими интересами никогда не бывают рациональными [Олсон 1995: 48-52].

В самом деле, верховный правитель может установить объем ренты, который он считает правильным извлечь, и распределить этот намеченный объем по основным направлениям. Но это вовсе не означает, что намеченные плановые показатели будут в точности достигнуты. После того, как члены правящей коалиции доведут контрольные цифры до сотрудников органов государственного управления и хозяйственных руководителей, а те приступят к практической работе, быстро выяснится, что вертикаль власти вносит в эти планы весьма существенные изменения. Сотрудники органов государственного управления, пользуясь фактическим политическим бесправием рядовых жителей страны, собирают с них значительно больше ренты, чем было предусмотрено плановыми наметками, а возникающий при этом излишек ренты используют в своих личных интересах. Похожая ситуация складывается и вокруг государственных инвестиций. Производственных мощностей или инфраструктурных объектов всегда создается много меньше, чем можно было бы создать за счет выделенных на это средств. Хозяйственный руководитель без труда найдет массу доводов в обоснование перерасхода средств против первоначальной сметы проекта. Иногда этот перерасход является следствием банальной халатности руководителя, и часть инвестиционных сумм просто растрачивается впустую. В других случаях за перерасходом скрывается корыстный интерес руководителя.

“Левой невидимой руке” Олсона противодействуют ясно видимые, хотя и не вполне чистые, руки государственных чиновников и хозяйственных руководителей. Эти люди сознательно пренебрегают общественными интересами в угоду интересам сугубо личным. Поэтому плановые задания, выданные правящей коалицией, всегда искажаются и при том всегда в одну и ту же сторону: объем извлекаемой ренты возрастает, равно как и возрастает доля ренты, использованной в целях личного обогащения представителей привилегированного сословия. Тем самым доля рыночного сектора в национальном хозяйстве страны неуклонно снижается, а доля директивного сектора соответственно возрастает.

По мере формирования полноценных директивных институтов государственный, “теневой” и криминальный секторы экономики получают чрезмерное, уродливое развитие. Рыночный же сектор в отсутствие полноценных рыночных институтов пребывает в самом угнетенном состоянии и работает неудовлетворительно. И то, и другое пагубно сказывается на общей эффективности экономики страны. Хроническая экономическая отсталость стран с иерархическими политическими системами — это не злая воля их высших руководителей, а закономерное следствие особенностей политического устройства [Sachs 2005: 5-26; Acemoglu, Robinson 2012:10-49].

Особо подчеркнем, что экономический уклад, стихийно складывающийся в стране с иерархической политической системой, практически не зависит от того идеологического оформления, в котором правящая коалиция преподносит свое господство рядовым жителям страны. Правящая коалиция может

заявлять о любых конечных целях своей деятельности. Но независимо от декларации той или иной конечной цели текущая экономическая политика будет всегда характеризоваться повышением степени централизации управления экономикой и усилением плановых начал.

УПРАВЛЕНИЕ РЕНТОЙ В ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

По-другому обстоит дело с управлением рентой в странах с правовыми политическими системами. Этот тип политического устройства упоминается в литературе также как *общественный порядок открытого доступа* [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 69-74], как политическая система с инклюзивными институтами [Acemoglu, Robinson 2012: 80-82], как общество модерна [Черняховский 2012: 9] или как сообщество с доминирующей институциональной Y-матрицей [Кирдина 2004: 90-91]. Правовые политические системы, как следует из самого их названия, основываются на верховенстве правовых процедур над политическим произволом и на политических институтах, формирующих общество модерна.

Верховенство прав человека над произволом власти, оформившееся в виде самостоятельного политического института, ясно определяет роль государства в жизни общества и отводит вполне известное место государственному насилию. Государство обязано защищать права жителей страны от покушений на них с любой стороны. Что же касается государственного насилия, то оно при необходимости может и должно использоваться исключительно для защиты прав и свобод рядовых жителей страны и для принуждения экономических агентов к исполнению добровольно взятых на себя хозяйственных обязательств. Но никогда – в целях нарушения законных прав людей и экономических агентов и, в частности, в целях изъятия жизненных ресурсов у одних жителей страны в интересах личного обогащения или удовлетворения личных амбиций других.

Если права человека и в самом деле имеют “приоритет... по отношению к соображениям политической целесообразности и субъективным представлениям о ней конкретных лиц, наделенных властью и собственностью” [Космынин, Явлинский 2011: 7], то произвольное увеличение объема извлекаемой ренты и ее ненадлежащее использование полностью исключаются. Невозможно произвольно ограничивать доступ людей к жизненно важным для них ресурсам или изымать у них эти ресурсы, превращая их в ренту, не нарушив при этом самым грубым образом их права.

В условиях верховенства права единственным способом регулирования объема извлекаемой ренты и ее распределения по основным направлениям использования является гласный законодательный процесс. Поэтому в правовых государствах особое значение приобретает работа двух других политических институтов: системы разделения властей и равенства граждан в правах и перед законом.

Институт разделения властей подразумевает существование трех независимых друг от друга ветвей власти: исполнительной, законодательной и судебной, каждая из которых приобретает властные полномочия из своего особого источника. Этот институт препятствует сосредоточению всей полноты власти в одних или немногих руках. Независимый парламент в известной мере обеспечивает представительство интересов широких слоев населения при принятии решений относительно объема извлекаемой ренты и ее распределения по

основным направлениям использования. Что же касается равенства граждан в правах и перед законом, то оно в идеале должно обеспечивать более и менее равномерное распределение фискальной нагрузки между жителями страны.

В странах с правовыми политическими системами решения по поводу объема извлекаемой ренты и основных направлениях ее использования принимаются независимым парламентом в ходе открытого и гласного обсуждения. Это делает практически невозможным использование ренты в целях личного обогащения одних групп населения за счет других его групп. Кроме того, независимые парламенты довольно неохотно одобряют участие государства в производстве и распределении тех благ, которые рядовые жители страны способны производить и распределять сами. При этом извлечение ренты производится строго нормировано и в рамках правового поля. Поэтому сотрудникам органов государственного управления нет никакой необходимости вступать с участниками рынка в особые доверительные отношения. Скорее, наоборот, в этих условиях увеличение числа экономических агентов выгодно государству, поскольку оно ведет к увеличению объема фискальной части ренты. В таких условиях сословные привилегии в виде монополий на те или иные виды деятельности теряют всякий смысл. Они отменяются. Свобода деловых занятий и свобода торговли становятся ведущими принципами экономического устройства общества.

Таким образом, в странах с правовыми политическими системами весь государственный аппарат нацелен на строительство рыночных институтов и создание самых необходимых общественных благ. Это обеспечивает развитие в этих странах полноценного цивилизованного рыночного хозяйства и его господствующую роль в экономике страны. Благодаря этому, национальные хозяйства работают эффективно и относительно устойчиво [Sachs 2005: 5-26; Acemoglu, Robinson 2012: 10-49]. Если в последние годы мы и встречаемся с известными сбоями в работе их национальных хозяйств, то это объясняется, прежде всего, теми искажениями, которые вносят в работу рыночных регуляторов недальновидные политические деятели. Исходя из самых благородных побуждений, они стремятся “улучшить” или “подправить” работу рынка и тем самым несказанно вредят ему.

О РОЛИ ДЕМОКРАТИИ

Наш очерк о взаимодействии политики и экономики был бы заведомо неполон, если бы мы обошли молчанием вопрос о влиянии на характер экономического развития такого политического института как демократия. Статистические данные свидетельствуют о том, что между демократией и устойчивым экономическим развитием имеет место положительная корреляция. Иными словами, они часто встречаются вместе: богатые страны часто бывают демократическими и, наоборот, среди демократических стран большинство — богатые. Несмотря на это, существование причинной связи между институтом представительной демократии и устойчивым экономическим развитием далеко не очевидно. Оно уже давно оспаривается многими признанными специалистами в этой области [Przeworski, Limongi 1993: 52-57; Acemoglu et al. 2008: 836-837].

Мы также не видим никакой причинной связи между появлением в составе правовой политической системы демократических элементов и способностью этой системы поддерживать работу полноценных рыночных экономических институтов. С одной стороны, исторические факты свидетельствуют о том, что в ряде стран мира на протяжении долгого времени правовые политические

системы существовали и обеспечивали устойчивую работу цивилизованного рыночного хозяйства вне всякой связи с избирательными процедурами. С другой стороны, несомненно, что чем шире распространено в стране избирательное право, тем больше вероятность того, что к власти в этой стране придут политики популистского толка, имеющие весьма своеобразные представления о порядке извлечения и использования хищнической ренты.

Демократические процедуры в условиях всеобщего избирательного права не поддерживают правовые политические институты, а напротив, создают помехи в их работе. Прикрываясь идеей социальной справедливости, демократические политики нередко осуществляют фактический подкуп избирателей, завоевывая политическую поддержку со стороны беднейших слоев населения за счет проведения масштабных социальных программ. Насколько эти программы полезны для устойчивого развития страны, остается неясным. В то же время можно с уверенностью говорить о том, что насильственное перераспределение значительной части национального дохода страны от богатых к бедным, с одной стороны, подрывает сам принцип верховенства права над политической целесообразностью, а с другой стороны, резко сокращает объем ренты, которую государство может направить на укрепление рыночных институтов. Ярким примером страны, пораженной демократическими предрассудками и бедностью, является современная Греция.

Скорее всего, положительная корреляция между демократией и устойчивым экономическим развитием объясняется тем, что они вызываются одной и той же третьей причиной – наличием в стране правовой политической системы. Поэтому нет никаких теоретических оснований полагать, что насаждение демократии – это наилучший способ добиться процветания ранее отсталой страны.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Механизм воздействия того или иного политического института на ход экономического развития – это порядок извлечения и использования хищнической ренты, типичный для этого политического института. Поскольку политические системы разного типа по-разному управляют хищнической рентой, постольку они оказываются эффективно совместимыми только с одним видом экономических институтов: либо с рыночными, либо с директивными.

Вывод: рыночный и директивный секторы экономики не могут получить одновременно равное и полное развитие. Представление о том, что они могут гармонично сосуществовать в экономике одной и той же страны является беспочвенным вымыслом. В национальном хозяйстве любой страны всегда один сектор будет заметно преобладать, а другой – занимать сугубо подчиненное положение и играть чисто вспомогательную роль. И рядовые жители страны, и ее политический класс всегда стоят перед трудным выбором той или другой модели экономического развития, хотя они далеко не всегда отдают себе отчет в необходимости выбирать.

Бессонова О.Э. 1994. Раздаточная экономика как российская традиция. – *Общественные науки и современность*. № 3. С. 37-48.

Заостровцев А.П. 2000. Концепция “извлечения ренты”: экономическая теория политического вымогательства и российская практика. – *Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов*. № 3. С. 48-63.

Заостровцев А.П. 2014. История по Асемоглу – Робинсону: институты, развитие и пределы авторитарного роста. – *Общественные науки и современность*. № 3. С. 32-43.

Кирдина С.Г. 2004. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация. – *Вопросы экономики*. № 10. С. 89-98.

Космынин А.В., Явлинский Г.А. 2011. Двадцать лет реформ – промежуточные итоги? Российское общество как процесс. – *Мир России*. Т. 20. № 2. С. 3-32.

Линецкий А.И. 2014. Латентные институты: стихийная стандартизация поведения и ее политическое значение. – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 166-182. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2014.06.12>

Норт Д. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги “НАЧАЛА”. 189 с.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки*. М.: Издательство Института Гайдара. 480 с.

Олсон М. 1995. *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп*. М.: ФЭИ. 174 с.

Олсон М. 2012. *Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры*. М.: Новое издательство. 210 с.

Смит А. 1962. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Издательство социально-экономической литературы. 684 с.

Хайек Ф.А., фон. 1992. *Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма*. М.: Издательство “Новости” при участии “Catallaxy”. 304 с.

Хайек Ф.А., фон. 2012. *Дорога к рабству*. М.: АСТ: Астрель, 2012. 320 с.

Черняховский С.Ф. 2012. Модернизация: противоречивость идеологического концепта и политический процесс в современной России. – *Власть*. № 5. С. 9-12.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A., Yared P. 2008. Income and Democracy. – *American Economic Review*. Vol. 98. No. 3. P. 808-842. DOI: <http://dx.doi.org/10.1257/aer.98.3.808>

Acemoglu D., Robinson J.A. 2012. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. N.Y.: Crown Publisher. 529 p.

Przeworski A., Limongi F. 1993. Political Regimes and Economic Growth. – *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 7. No. 3. P. 51-69. DOI: <http://dx.doi.org/10.1257/jep.7.3.51>

Sachs J.D. 2005. *The End of Poverty. Economic Possibilities for Our Time*. N.Y.: The Penguin Press. 397 p.

DOI: [10.17976/jpps/2016.02.11](http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.02.11)

ECONOMIC DEVELOPMENT IMPACT OF POLITICAL INSTITUTIONS: A MECHANISM OF INFLUENCE

A.I. Linetsky¹

¹ *Entrepreneur. Moscow, Russia*

LINETSKY Alexander Iosifovich, Cand. Sci. (Phys. and Maths.), political scientist and entrepreneur. Email: linetskyalexander@hotmail.com

Received 15.10.2015. Accepted: 16.01.2016

Abstract. Political institutions historically formed up in a country and being out of the government control may produce a great economic development impact. We argue that an impersonal gear of this impact consists of two inseparable parts: 1) compulsory (predatory) withdrawing of resources and goods from one part of people of a country and 2) arbitrary transferring them to another part of people. The two main features describe this off-market re-distribution process: the total volume of predatory withdrawing and the mode of allocation of

its results to the main directions of use. The political system of certain type maintains predatory withdrawing and allocation of its results by its own way. The state with hierarchic political system and political groups standing behind this state withdraw so much predatory rent and use it in such a way that it gives no chance for market economic institutions to get full and proper development. At the same time the command economic institutions flourish here, and the national economics becomes a central planning husbandry. The state with political system based on law and on human rights compulsory withdraw a certain volume of resources and goods with the single aim only: to create a full-developed market economic institutions and, hence, to secure supremacy of market in the national economics. Democracy based on universal suffrage plays a very special role in the process: it rather suppresses market institutions development than supports it.

Keywords: political and economic institutions; hierarchic political system; political system based on law and on human rights; democracy; off-market redistribution of resources and goods; political rent; predatory rent; economic growth; sustainable economic development.

References

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A., Yared P. Income and Democracy. – *American Economic Review*. 2008. Vol. 98. No. 3. P. 808-842.

Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. N.Y.: Crown Publisher. 2012. 529 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1257/aer.98.3.808>

Bessonova O.E. Distributive Economy as the Russian Tradition. – *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost'*. 1994. No. 3. P. 37-48. (In Russ.)

Chernyakhovskii S.F. Modernization: the Contradictory Ideological Concepts and Political Process in Modern Russia. – *Vlast'*. 2012. No. 5. P. 9-12. (In Russ.)

Hayek F., von. The Fatal Conceit: the Errors of Socialism. (Russ. ed.: Hayek F., von. *Pagubnaya samonad-eyannost'. Oshibki sotsializma*. Moscow: "Novosti", with the participation of "Catallaxy". 1992. 304 p.)

Hayek F., von. The Road to Serfdom. (Russ. ed.: Hayek F., von. *Doroga k rabstvu*. Moscow: AST; Astrel Publishers. 2012. 320 p.)

Kirdina S.G. Institutional Structure of Modern Russia: the Evolutionary Modernization. – *Voprosy ekonomiki*. 2004. No. 10. P. 89-98. (In Russ.)

Kosmynin A.V., Yavlinskii G.A. Twenty Years of Reform – the Interim Results? Russian Society as a Process. – *Mir Rossii*. 2011. Vol. 20. No. 2. P. 3-32. (In Russ.)

Linetsky A.I. Latent Institutions: Standard Behavior Patterns Occurred Spontaneously and Their Political Meaning. – *Polis. Political Studies*. 2014. No. 6. P. 166-182. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2014.06.12>

North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. (Russ. ed.: North D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki*. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi "NACHALA". 1997. 189 p.)

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. (Russ. ed.: Nort D., Wallis J., Weingast B. *Nasilie i sotsial'nye por-yadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva*. Moscow: Gaydar Institute Publishers. 2011. 480 p.)

Olson M. Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. (Russ. ed.: Olson M. *Logika kollektivnykh deistvii. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp*. Moscow: FEI Publishers. 1995. 210 p.)

Olson M. Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships. (Russ. ed.: Olson M. *Vlast' i protsvetanie. Pererastaya kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 2012. 210 p.)

Przeworski A., Limongi F. Political Regimes and Economic Growth. – *Journal of Economic Perspectives*. 1993. Vol. 7. No. 3. P. 51-69. DOI: <http://dx.doi.org/10.1257/jep.7.3.51>

Sachs J.D. *The End of Poverty. Economic Possibilities for Our Time*. N.Y.: The Penguin Press. 2005. 397 p.

Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. (Russ. ed.: Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov*. Moscow: Socio-Economic Literature Publisher. 1962. 684 p.)

Zaostrovsev A.P. The Concept of "Rent-Seeking": Economic Theory of Political Extortion and Russian Practice. – *Newsletter of the St. Petersburg University of Economics and Finance*. 2000. No. 3. P. 48-63. (In Russ.)

Zaostrovsev A.P. History by Acemoglu – Robinson: Institutions, the Development and the Limits of Authoritarian Growth. – *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost'*. 2014. No. 3. P. 32-43. (In Russ.)